

Философско-педагогические взгляды С. С. Уварова

Л. Е. Шапошников

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина,
Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

Для цитирования: Шапошников Л. Е. Философско-педагогические взгляды С. С. Уварова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 2. С. 320–335. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.208>

С. С. Уваров в 30–50 годы XIX в. был одной из ключевых фигур в российском правительстве, возглавляя 16 лет Министерство народного просвещения, поэтому литература, оценивающая его деятельность, достаточно обширна. При этом часто деятельность Уварова в ней характеризуется отрицательно, особенно это относится к советским исследователям. Следовательно, существует задача объективной, лишенной идеологических штампов оценки политики С. С. Уварова. Теоретической основой его деятельности были философские и педагогические взгляды, анализ которых и позволит выявить не только интеллектуальный уровень министра, но и дать ответ, насколько его идеи были реализованы на практике. Историко-логический и компаративистский методы исследования позволяют выявить место концепций С. С. Уварова в общественной мысли России и показать его своеобразие в сравнении как с зарубежными, так и отечественными мыслителями. В области философии С. С. Уваров стремился объединить «усилия метафизики и религии», именно этот синтез, с его точки зрения, дает возможность правильно понять сущность человека и создать адекватную философию истории. Ключевой формулой последней, объясняющей специфику российской истории, является знаменитая триада: православие, самодержавие и народность. В сфере образования министр делал акцент на то, что оно должно решать двуединую задачу, а именно приобщать учащихся к современным и научным знаниям и воспитывать их в «народном духе». Эти положения достаточно подробно раскрыты в статье. В целом мы считаем, что деятельность Уварова и как мыслителя, и как министра может быть оценена положительно, несмотря на отрицательные черты его характера и карьеризм.

Ключевые слова: философия, история, православие, самодержавие, народность, Европа, Россия, закономерность, революция, преподаватель.

Сергей Семенович Уваров (1786–1855) происходил из старинного дворянского рода, он получил прекрасное домашнее воспитание, в совершенстве овладел французским языком, был «от природы умен, отменно понятлив в науках», как отмечал в своих «Записках» известный знаток дворянского быта Ф. Ф. Вигель [1, с. 766]. Эти качества проявились и тогда, когда юный Уваров в 1801–1803 гг. учился в одном из лучших учебных заведений Европы — Геттингенском университете. Даже такой суровый критик истории отечественной мысли, как Г. Г. Шпет, отмечал, что С. С. Уваров с большим энтузиазмом изучил немецкую философию и «был учеником немецких неогуманистов», ориентировавшихся на просветительские

ценности, среди которых одно из первых мест занимало образование. Как ученик неогуманистов Уваров «задается вопросом, нельзя ли приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному быту, к нашему народному духу» [2, с. 484]. Эта установка, как мы увидим, будет определяющей в деятельности Уварова на посту министра народного просвещения.

Начиналась служебная карьера будущего видного государственного деятеля в 1803 г. в Коллегии иностранных дел, где его образованность, воспитанность, умение быть интересным собеседником получили признание начальства. С 1806 г. он был сотрудником посольства в Вене, в 1809 г. вернулся в Петербург. В 1811 г. Уваров женился на богатой невесте — Е. А. Разумовской, отец которой был министром просвещения. С этого времени начинается его быстрый карьерный рост, и в 1811 г. он становится попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, в этом же году избирается почетным членом Императорской академии наук, а с 1818 г. назначается ее президентом. Молодой попечитель начинает активную деятельность по развитию образования во вверенном ему округе. Г. Г. Шпет отмечает, что Уварову «больше всего обязан своим возникновением Петербургский университет». Причем эту активность одобряли отнюдь не все влиятельные лица государства. Так, предложенный Уваровым новый устав Петербургского университета под давлением таких реакционно настроенных деятелей, как М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич, был отвергнут — в знак протеста Уваров подал в отставку. А в своем письме к Александру I Уваров защищал профессоров от обвинений «в неверии и разрушении государственного порядка», заявляя, что их выставляют «друзья тьмы». Г. Г. Шпет, на наш взгляд, справедливо замечает, что в этом письме «говорят чувства просвещенного и воспитанного человека» [2, с. 465].

В 1832 г. Уваров вновь вернулся в сферу образования: он был назначен товарищем министра народного просвещения. Одним из первых действий на этом посту стала предпринятая им инспекция Московского университета, студенты и преподаватели которого вызывали у правительства подозрения как неблагонадежные. Чиновник после тщательного знакомства с положением дел в университете сделал вывод, что учебному заведению «необходимо приступить к обновлению», которое — и это главное — должно проходить «без чрезвычайных и, так сказать, насильственных мер» [3, с. 294]. Уже в этой постановке проблемы проявлялось его стремление не разрушать, а развивать образование.

С 1833 по 1849 г. С. С. Уваров возглавлял Министерство народного просвещения. На этом посту он, с одной стороны, стремился подчеркнуть преданность Николаю I, так как именно «по августейшей воле... должно совершаться образование юношества», но, с другой стороны, он многое сделал для того, чтобы «возвысить достоинство» учебных заведений, как средних, так и высших. Не случайно даже такой «обличитель» министерских чиновников из сферы образования, как В. В. Розанов, признает, что только в эпоху Уварова «мы видим усилия учебного управления, имевшие намерения привести и действительно приведшие к расцвету университетскую и затем городскую научную и умственную жизнь» [4, с. 548]. С этой же оценкой соглашается и Г. Г. Шпет, отметивший, что благодаря деятельности Уварова «университеты наши стали на ноги», в них наметилось «стремление к научности у преподавателей и интерес к научности у студентов» [2, с. 472]. Подобные примеры можно продолжать, и уже в силу этого мы не можем согласиться

с негативными оценками роли Уварова в общественной жизни России, которые давались и даются некоторыми представителями гуманитарной мысли. Так, известный историк С. М. Соловьев признает, что это «был человек, бесспорно, с блестящими дарованиями, однако его способности сердечные нисколько не соответствовали умственным», и поэтому главным содержанием политики министра стало стремление «угодить барину-императору Николаю». Сходную позицию занимают и авторы интересного предисловия к «Избранным трудам» С. С. Уварова В. С. Парсамов и С. В. Удалов: они также считают, что «общественно-политические взгляды Уварова во многом определялись карьерными соображениями» [5, с. 21].

Мы думаем, что можно согласиться с позицией Б. Н. Чичерина, отмечавшего, что характер Уварова «был далеко не стойкий, часто мелочный, податливый на личные отношения. Государя он боялся как огня. ... Но тем более делает ему чести, что он всячески старался отстоять русское просвещение от суровых требований монарха». Причем во многом данная установка была реализована, так как министр «любил и вполне понимал вверенное ему дело», стараясь «возвести на ту высоту, на какую возможно было поставить его при тогдашнем направлении правительства» [6, с. 186]. Подобную же позицию разделяет и В. С. Соловьев, который был не согласен с оценкой деятельности Уварова своим отцом. По мнению В. С. Соловьева, «личный характер Уварова не мог вызывать сочувствия». Однако государственного деятеля оценивают прежде всего по эффективности работы на его посту, и в этой сфере «Уваров имел большие заслуги; из всех министров народного просвещения он был, без сомнения, самый просвещенный и даровитый, и деятельность его — самая плодотворная» [7, с. 291–292]. Даже идейный противник С. С. Уварова А. И. Герцен — и тот отдавал должное заслугам министра на ниве просвещения. Он с иронией вспоминал, что этот «настоящий сиделец за прилавком просвещения» решил провести для студентов «нового рода испытания», а именно предложить им прочесть по лекции «из своих предметов, вместо профессора». Причем тема лекции и имя студента определялись путем выбора билета, который производил декан [8, с. 68]. Этому испытанию подвергался и сам А. И. Герцен. От себя заметим, что подобная проверка знаний студентов была весьма эффективна, к тому же многие из них после окончания курса должны были заниматься преподавательской деятельностью, и было полезно оценить, насколько они к ней готовы. Герцен, обличавший «галиматью нашего управления», хотя и отмечал в дневнике за 1844 г., что Уваров «человек дрянной, мелкий», в то же время признавал, что для просвещения он «пользы наделал бездну» [9, с. 326].

Итак, конечно, у Уварова были отрицательные черты характера, присутствовали в его деятельности карьерные устремления, однако они не были определяющими для его политики в сфере образования. Последняя носила позитивный характер и имела плодотворные результаты для всей системы российского просвещения. Данный вывод подтверждается и тем, что сама отставка Уварова с поста министра народного просвещения была связана с изменением политики Николая I по отношению к отечественному образованию. Напуганный революционными событиями 1848 г. в Европе, император стремился любыми средствами пресечь вредные самодержавию идеи, которые, с его точки зрения, были распространены среди учащейся молодежи. В силу этого, как отмечает Г. Г. Шпет, «энергия обскурантизма взвинтилась» и на университеты «градом посыпались меро-

приятия, долженствовавшие их стерилизовать и обезвредить в государственном смысле» [2, с. 474]. Более того, в обществе появлялись «упорные слухи» о том, что вскоре университеты вообще будут закрыты. Подобная политика противоречила принципам Уварова, и он подал прошение об отставке, которое незамедлительно было принято.

С. С. Уваров интересовался разнообразными отраслями знания: историей, философией, лингвистикой, религиоведением, педагогикой и др. Естественно, мы не сможем охватить весь этот обширный массив, а остановимся только на философских и педагогических взглядах, правда, понимаемых в широком смысле. Как утверждает мыслитель, сами философские истоки «черпаются из истории», в силу этого и их влияние на общество в различные эпохи неодинаково. У греков философия «всегда была действительною силою» и пользовалась «значительным влиянием в жизни» [3, с. 118]. Даже после падения античного мира его философия «не сойдет еще долго с поприща». Более того, Отцы Церкви прилагали «усилия, чтобы примирить заповеди тогда новой религии христианской и старые понятия греческой философии» [3, с. 80]. В Средние века заметную роль в религиозно-философских построениях играли идеи Платона и Аристотеля, в силу этого обеспечивалась преемственность в развитии метафизики. Новый статус философии в обществе появляется после изобретения книгопечатания, когда «философия заперлась в кабинеты и сделалась умозрительной». Она теряет свою связь с жизненной практикой, и поэтому «теперь ей можно говорить обо всем и не доказывать ничего».

Затем наступила эпоха Просвещения, стремившаяся направить всю человеческую активность «на улучшение разума». В это время «одно метафизическое заключение способно было возбуждать умы», а идеи и произведения искусства становились «выражением партийной принадлежности». В силу этого французские просветители XVIII в., «опозорившие прекрасное имя “философов”», часто занимались не поиском истины, а «подтасовывали факты» для обоснования своих тезисов. Однако их опыт показал, что метафизика, «претендующая на то, чтобы проникнуть в самые таинственные движения мыслительного процесса, никогда не сможет удовлетворить наш разум». Из этого не следует, что Уваров отрицал познавательную функцию философии, но он считал, что философский анализ явлений необходимо дополнить установками, вытекающими из религиозной веры, и тогда удастся представить общую картину развития мира. Только с религией и философией, «с сими двумя светилами, может человеческий ум найти везде успокоение» [3, с. 212].

Объединенные усилия религии и философии нужны также для правильного понимания сущности человека. С точки зрения С. С. Уварова, человек состоит «из двух противоположных начал», ибо он «истинный представитель и отпечаток общества», но в то же время существует и его другая половина, которая не подлежит «одному закону, одному истолкованию», — это «вся чувственная, вся умственная», т. е. духовная, жизнь человека. В силу этого, когда государственные или политические деятели хотят достигнуть положительных целей, они должны учитывать специфику человеческой личности. Однако этого часто не происходит, так как или индивида стремятся подчинить «началам положительным», связанным с социальной сферой, или, напротив, увлекаются теми «утонченными, мистическими понятиями, кои не обращают внимание ни на состав общества, ни на

его практические нужды и существенные недуги» [3, с.288]. Следовательно, для того чтобы преодолеть «несоразмерность способностей к цели», необходимо синтезировать социальные и духовные начала в человеке, а это возможно лишь путем объединения философского и религиозного подходов к воспитанию его личности. В связи с этим становится понятным значение традиций для правильного развития личности: именно они соединяют ее «разнородные начала». Поэтому наряду с абстрактными и универсальными понятиями, представленными в европейской мысли и «принадлежащими всем народам и векам», необходимо целенаправленно приобщаться к русской системе ценностей. Причем С. С. Уваров специально подчеркивал, что для личности прежде всего то «полезно и плодотворно, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическими правами» [3, с.293]. Эти теоретические установки получили дальнейшее развитие в его творчестве и затем легли в основу практической деятельности Министерства народного просвещения.

Одной из доминантных философских тем для С. С. Уварова была интерпретация истории, которая, по его мнению, позволяет понять единство человечества, так как «внимательное изучение идей» дает возможность сделать вывод о том, что «различные части, на первый взгляд не имеющие между собой ничего общего, выстраиваются друг за другом в стройную систему и представляют развитие одного и того же принципа» [3, с.65]. В то же время мыслитель не соглашается с тем, что развитие — это линейный процесс, идущий от варварства к цивилизации. С его точки зрения, неверно утверждение, что «детство человечества — это время мрака и глупости», причем, убежден мыслитель, философы подтасовывают факты, с тем чтобы подобный тезис считать «математически точным опровержением священного писания». История развивается скачкообразно, и поэтому в ней встречаются то «следы расцвета, то свидетельства падения человеческого рода». Однако исторический процесс нельзя объяснить, лишь опираясь на «человеческие измерения», существует «прекрасная гипотеза», согласно которой ранний период в бытии человечества характеризуется «знанием первоначальных понятий», общенных «Божеством человеку вместе с речью». Они содержали «простые истины, соответствующие простому состоянию человеческого общества» [3, с.71]. Сами эти истины появились на Востоке, который признается «колыбелью мировой цивилизации» и «родиной философии», а уже оттуда они распространились по всему миру, в том числе и в Древней Греции. Даже самый выдающийся философ античного мира, Платон, и тот «обязан Востоку основными идеями своей системы» [3, с.75]. Конечно, в последнем тезисе содержится не только преувеличение, но и просто неверное утверждение. Однако сама идея о том, что именно Восток — «хранитель первоначального просвещения», заслуживает внимания. С. С. Уваров также считает, что человечество не сохранило свое «естественное первоначальное существование»: произошло его падение, вследствие которого оно «впало в дикость». Именно эта «поврежденность» природы человека и «содержит ключ ко всей его истории» [3, с.112].

Изложенная концепция опирается на библейские представления об историческом процессе, но Уваров выдвигает и оригинальную идею о том, что «небольшое число избранных» и после грехопадения сохранили истинное первоначальное знание. В отличие от народных масс они имели «правильное понятие о божестве и его

отношении к человеку», в силу этого духовная элита знала о бессмертии души «и о средствах ее возвращения к Богу, наконец, о другой жизни за гробом» [3, с. 115]. Наличие подобного «сокровенного знания» и обеспечивало единство человеческой истории. Однако эти идеи, высказанные в 1818 г., были фактически пересмотрены в начале 40-х годов XIX в. Так, в статье «Общий взгляд на философию словесности» Уваров утверждает принципиальное различие идей Древнего мира и христианских положений, так как «истинность божественного начала, в которой мы убеждены, никогда не существовала для древних» [3, с. 235]. Уваров сам сознает, что когда-то он утверждал совершенно противоположное. С целью как-то оправдать это противоречие мыслитель делает акцент на том, что элита Древнего мира никак при помощи своих знаний не влияла на состояние «общества внешнего», которое двигалась «под влиянием других идей». Подобные выводы соответствуют ортодоксальному религиозному взгляду на античный мир, утверждавшему принципиальное его отличие от евангельских ценностей.

Важнейшей проблемой философии истории, согласно взглядам Уварова, является вопрос о закономерности исторического процесса и о его направленности. Будучи человеком верующим, он признает наличие провиденциального воздействия на индивида и общество в целом. В силу этого «в происшествиях царств и в жизни людей находим постоянный закон, который можно было бы назвать судьбою, если б он не был действием вечного, непостижимого провидения» [3, с. 211]. Однако Уваров не был агностиком в области истории, так как, с его точки зрения, хотя конечные цели «скрыты от глаз наших», есть множество свидетельств того, в каком направлении воздействует на людей сверхъестественная сила. Самая сложная ситуация возникает у историков и философов, когда они оценивают события «последних времен», ибо в современных деяниях Провидение для реализации своей цели только «еще изучает способы к достижению оной» [3, с. 211].

Современная европейская цивилизация обязана своим появлением христианству, и долгое время в мире «никакая сила человеческая» не могла «противоборствовать гению Европы». Однако европейское развитие в Новое время приобрело негативные черты, и это прежде всего связано с французской революцией конца XVIII в., потрясшей «общественный мир в основаниях его» [3, с. 115]. Европа вступает в переходную эпоху, ибо, с одной стороны, в ее развитых государствах теперь существует общее публичное право, «права гражданские везде определены», их просвещение поднялось на «высшую степень образованности», с другой — происходит упадок «народного духа», выразившийся в отказе от традиций, в том числе и от религиозных, так как благодаря деятельности энциклопедистов произошло «введение новой веры», вызывающей падение христианских ценностей. На первый план выходят «права человека», часто понимаемые неверно, так как нельзя «пользоваться правами и считать себя при этом свободным от обязанностей» [3, с. 183]. Например, популярен лозунг о праве на политическую свободу, но она не есть легко достижимое «состояние мечтательного благополучия», напротив, ее приобретение осуществляется постепенно, путем неустанной человеческой активности и «сохраняется неусыпную твердостью». В результате европейский ум, «увлекаемый обманчивыми призраками», теряет перспективы развития западной цивилизации, но благодаря России, ее победе над Наполеоном «светильник ложной философии потушен». Наблюдается утверждение «истинных понятий о вере и верховной вла-

сти», в связи с этим «начинается новый период истории и именуется он Александровым» [3, с. 248]. Однако революционные события 1848 г. показали, что Западная Европа не оправдала «великих надежд», которые на нее возлагали сторонники легитимной власти. В то же время русский народ обладает «завидной участью», так как ему «Провидение даровало ряд государей, соответствующих требованиям времени и вполне удовлетворяющих духу своих столетий» [3, с. 271]. В философии истории Уварова понятие «дух времени» занимает особое место, так как все государства «имеют свои эпохи». Задолго до Н. Я. Данилевского Сергей Семенович определил их как периоды младенчества, юности, совершеннолетия и дряхлости. Переход от одного этапа развития к другому должен проходить под «попечительством правительства». Причем попытки «продолжить один из сих возрастов» не имеют перспективы и поэтому «суетны и безрассудны». Правительство должно осознавать дух времени, и только в этом случае оно сможет смягчить «переходы одного возраста к другому» и измениться «вместе с народом или с человеком» [3, с. 271].

Естественно, правильная ориентация в историческом времени предполагает выработку методологии исторического познания. Мы уже отмечали, что Уваров не был агностиком в области истории, но он как бы предвосхищал некоторые идеи неокантианцев, и прежде всего Г. Риккерта, пытался выявить специфику естествонаучного и гуманитарного знания. С его точки зрения, существует принципиальная разница в методах познания наук, «царящих в физическом мире», и наук, изучающих «духовную сторону жизни». В первом случае мы имеем дело с прогрессивным развитием, с накоплением знаний о природе — в результате появляется современная наука с «новыми исследованиями и наблюдениями, превосходящими своих предшественников» [3, с. 275]. Иная ситуация складывается в познавательной сфере, основанной на «воображении и духе»: к ней не может быть «применен» обычный временной расчет.

В одной из последних своих работ «Подвигается ли вперед историческая достоверность?» [3, с. 502–509] Уваров стремится обосновать этот тезис на примере истории. По его мнению, положение о том, что чем дальше история находится от современности, тем менее она определима, выступает как сфера «гадательная», подлежит «довольно важным возражениям». Точно так же и утверждение о том, что, чем ближе история к нам, тем «легче открыть истину», вызывает сомнения, ибо перед историком Нового времени возникают такие препятствия, которые «одолеть не всегда будет в его силах». Древняя история базируется на традиционных положениях, благодаря которым «правдоподобие становится истинным и до которых едва касается искуснейший критический анализ». Совершенно другая ситуация складывается в изучении истории после XV в., когда было изобретено книгопечатание. В результате «источники истории размножились до бесконечности» и все попытки ученых подчинить свой анализ закону «строгости беспристрастия» оказываются неудачными, так как они не находят «перед собой, для расспроса, других свидетелей, кроме пристрастных до нелепости». К тому же в исторической науке появляется «страсть к разлагающему анализу», опирающемуся на обилие подробностей. В то же время формируется «отвращение ко всем синтезам, религиозным, историческим или нравственным». В силу этого не происходит «усиление достоверности истории», напротив, «скептицизм с каждым мгновением принима-

ет все более решительный характер». Однако подобный итог не может стать идеалом гуманитарного знания, хотя и существует опасность, что он может сделаться «последним словом нашего разумения». Одним из средств, которое может использовать ум человека для преодоления этих трудностей, выступает философия, обогащенная христианскими идеями. Именно она может «пролить свет... на сей хаос и показать вместе все последствия тех больших перемен, о которых поведает история» [3, с. 208].

Итак, идеалистическая метафизика в союзе с религией играла во взглядах С. С. Уварова заметную роль. По мнению Г. Г. Шпета, он «ставил философию как проблему, нужную тогда и важную для идеологии правительственных руководителей русской мысли» [2, с. 388]. Поэтому академическая философия «испытывала положительное влияние министра». После смены правительственного курса положительное отношение к философии было заменено ее запретом. Появилась «резко контрастная» по отношению к уваровскому времени формула П. А. Ширинского-Шихматова «польза философии не доказана, а вред от нее возможен».

Педагогическая деятельность С. С. Уварова не только содержала целый набор практических действий, но он стремился также теоретически их осмыслить и обосновать. Одной из важных проблем, с которыми он столкнулся еще будучи попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, было «несовершенное разделение училищ», т. е. в их деятельности отсутствовала преемственность. При правильной же системе народного просвещения в его организации необходима «постепенность... так, чтоб народные училища подготавливали к гимназиям, а гимназии к университетам» [3, с. 204]. Причем каждый тип учебного заведения должен решать свои задачи. В народных училищах «образуются поселянин, ремесленник, купец», поэтому в них «следует преподавать одно необходимое». Те же ученики, которые проявят «необыкновенные способности», смогут продолжить свое обучение. Цель гимназий — «образовать не трудолюбивого поселянина или искусного ремесленника», а воспитать юношу, для того чтобы со временем он проявил себя на гражданской или военной службе. Наконец, университет должен обеспечивать слушателям высокую «степень желаемого образования по своим наукам», с тем чтобы они могли «на любом поприще служить интересам отечества».

Предложенная «программа преемственности» ступеней образования носит ярко выраженную социальную направленность. Уваров считал, что хотя лица крепостного состояния и не должны быть исключены «от участия в благотворных плодах знаний», но только «в меру истинных нужд» людей этого сословия, т. е. получать самое начальное образование. В то же время он утверждал, что в полном объеме «плоды просвещения» должны быть доступны только представителям высшего сословия. При этом данное положение выдается за объективную закономерность, так как «различие потребностей разных сословий народа и разных состояний неминуемо ведет к надлежащему разграничению предметов учения между ними» [3, с. 351]. Более того, дети дворянства — «цвет возрастающего поколения» — должны «по возможности иметь и воспитание отдельное». Поэтому, используя «выгоды публичного образования с юношеством других свободных сословий», им необходимо иметь и специальные учебные заведения — дворянские институты и благородные пансионы. Последние хотя и не дают высшего образо-

вания, а только «приготовительное к слушанию лекций в университетах», но формируют сословную солидарность у слушателей, готовя их к «будущему призванию в гражданском обществе».

Одним из главных вопросов, стоящих перед министерством, по мнению С. С. Уварова, было содержание образования. Трудность при решении этого вопроса связана с тем, что, с одной стороны, необходимо сохранять высокий уровень интеллектуальной подготовки учащихся, знакомить их с последними достижениями науки, т. е. учебная система не должна быть «чужда европейскому духу». С другой стороны, образование следует строить так, чтобы оно сохраняло «коренные русские начала», иными словами, следует «быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию». В связи с этим понятно, что само преподавание в учебных заведениях имеет «две разные стороны: одну собственно ученую и учебную, другую моральную и, так сказать, политическую» [3, с.291]. Первая из них является наднациональной и принадлежит «всем просвещенным народам», вторая относится к «истинно русским охранительным началам», в которых «вернейший залог силы и величия нашего Отечества». Естественно, возникает вопрос: какие же начала являются спасительными для России? Впервые свою позицию по этому вопросу С. С. Уваров сформулировал в 1833 г. в «Отчете по обозрению Московского университета». С его точки зрения, «последний якорь нашего спасения» находится в началах «православия, самодержавия и народности» [3, с.300].

Содержание этих начал было раскрыто в отчете С. С. Уварова по случаю десятилетия пребывания его в должности министра народного просвещения [3, с.347–348]. Он констатирует, что в Европе происходит «быстрое падение религиозных и гражданских учреждений», в силу этого следует укреплять наше Отечество на «твердых началах», составляющих «отличительный характер России». Русский народ «глубоко и искренне привязан к церкви» и взирает на нее «как на залог счастья общественного и семейного». Поэтому «без любви к вере» народ, как и отдельный человек, «должен погибнуть». Наряду с православием Россия также «живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного». В нем наше отечество видит «краеугольный камень своего величия». Наконец, наряду с вышеназванными «национальными началами» находится и третье, не менее важное, не менее сильное — народность. С. С. Уваров понимает народность как способность русских «подвинуть умственную жизнь России вровень с прочими нациями», при этом сохраняя «самобытность народную» и основывая ее «на началах собственных», приводя их «в соответствие с потребностями народа и государства» [3, с.398]. Иными словами, министр подчеркивает, что период тотального заимствования западных идей, стремления образованных русских во всем подражать западному образу жизни уже исчерпал себя, и русский народ самостоятельно может успешно развиваться, опираясь на самобытные начала. Правда, Уваров вынужден был признать, что «вопрос о народности не имеет того единства», каким обладают начала православия и самодержавия. Подобная ситуация, как показала история, привела к тому, что народность начинает трактоваться рядом оппозиционных деятелей с позиций «провинциального патриотизма» — украинского, польского и т. п. В результате появились «преступные мысли», подрывающие имперское сознание и покушающиеся на правительственную поли-

тику, так как среди части славянских идеологов можно заметить стремление к отделению «от русского начала, основанного на тождестве православия и самодержавия». С. С. Уваров даже обращается к авторитету славянофилов, которые хотят «слияния всех местных патриотизмов в один общий патриотизм», в силу этого «ни один восторженный и добродушный московский славянофил... не согласился бы по своим понятиям вступить в тайный союз, цель которого была бы раздробление России» [3, с. 492]. В то же время министр подчеркивает позитивное влияние «начала народности», так как благодаря ему «наши сыновья лучше нас знают родной язык», они также «ближе знакомы с нашей историей, нашими преданиями и народным бытом» [3, с. 493].

Анализируемая формула С. С. Уварова с легкой руки А. Н. Пыпина была провозглашена «теорией официальной народности» и рассматривалась как образец реакционных взглядов (см.: [10, с. 5–41]). Безусловно, подобные установки были направлены на укрепление самодержавия и сохранение влияния православной церкви на общество, в том числе и на его образованный слой. С точки зрения марксизма и различных либеральных течений такая позиция была реакционна, однако история России показала, что расшатывание традиционных российских устоев привело к революционным катаклизмам, к гибели миллионов людей. Причем следует отметить, что С. С. Уваров не был апологетом политики изоляционизма, европейскую ученость он не осуждал, а, как мы уже отмечали, полагал, что она составляет важную часть образования. К тому же в Европе в 30–40-е годы XIX в. широко были распространены антирусские настроения, опирающиеся в том числе и на стремление доказать неславянский характер русского народа, достаточно в связи с этим вспомнить лекции А. Мицкевича о «Славянских литературах». Не случайно и идеология славянофильства формировалась в этот период как идейный протест против подобных утверждений. В силу этого православие, самодержавие и народность рассматривались патриотически ориентированными представителями общества как факторы, способствовавшие сохранению национальной идентичности и русской самобытности. Особенно это относилось к понятию народности. Мы никак не можем принять тезис, согласно которому понятие «народность» использовалась министром для апологии крепостного права. Можно согласиться с исследователем данной проблемы Н. И. Казаковым, доказывающим, что «под народностью Уваров разумел национальную культуру и национальный дух русского народа, отличающий его от прочих народов мира» [10, с. 28].

Итак, главные начала образовательной политики были определены, но как реализовать поставленные цели? Естественно, воспитательным потенциалом обладают прежде всего гуманитарные науки, а среди них первое место занимает история. В силу этого, по мнению С. С. Уварова, «в народном воспитании преподавание истории есть дело государственное». Он даже написал специальную работу «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» [3, с. 204–213]. Рассуждая о специфике изучения истории, Уваров на ее примере делает обобщающие выводы, связанные с совершенствованием преподавания и других предметов. Изучать историю, как и вообще науки, необходимо опираясь на принцип преемственности. В народных училищах следует изучать Священную историю и историю России. При этом Священную историю нельзя смешивать «с историей веры и догматов» — это предмет Закона Божия. Однако можно к этому разделу при-

соединить «историю нашей церкви, которая обыкновенно остается в забвении». Учебник, посвященный этому разделу, должен быть написан «в кротком духе религии и благонравия». Высокие требования предъявляются и к «руководству по изучению отечественной истории»: она должна быть изложена доступным языком, содержать «достоверные и полезные знания», и прежде всего изложение материала необходимо согласовать с «главной целью правительства», т. е. формированием лояльности граждан по отношению к власти. Поскольку имеющаяся учебная литература обладает существенными недостатками, правительству следует «обещать большое награждение тому, кто напишет лучший исторический компендиум или руководство для народных училищ».

С. С. Уваров совершенно справедливо критикует также «главную методу» обучения истории, ориентирующуюся на механическое заучивание материала. Подобный подход не только не развивает интерес учащихся к изучению истории, но «даже убивает их способности». Поэтому преподавателям следует освоить другой, более эффективный и удобный способ преподавания. Однако многие из них в силу слабой подготовки сделать этого не смогут, и «в таком случае нужно сперва заняться учителями, а потом уже приступать к учащимся». Вообще мерам по повышению квалификации педагогов всех учебных заведений министр уделяет пристальное внимание. Изучение истории в гимназии должно опираться на те основы, которые были заложены в училище. Задача же гимназии — развернуть перед учениками «огромную картину исторических наук». При этом важное значение имеет изучение хронологии и географии, так как они «суть очи истории». Перед преподавателем гимназии стоит трудная задача: при знакомстве с прошлым ему необходимо выбрать «главные происшествия истории» и не останавливаться подробно на второстепенных деталях. Очень полезно знакомить гимназистов с первоисточниками, так как при чтении, например, античных «подлинников» повышается дух, а вместе с ним образуется и вкус». Новую историю необходимо начинать с изучения прошлого своего отечества, а затем уже «проходить историю других европейских держав». При этом важно выявить связность мирового процесса, т. е. его «синхронический ход». Перед преподавателем стоит сложная задача: с одной стороны, показать активность человека, его достижения и «многочисленные заблуждения», с другой — отметить «тайное влияние Провидения на все его действия и покушения».

С. С. Уваров и в гимназическом курсе истории также обращает внимание на методику преподавания. С его точки зрения, нельзя изучение прошлого свести к «одному слушанию лекций». Необходима самостоятельная работа учащихся «по плану, начертанному преподавателем», полезным является и «требование от учащихся письменного отчета о лекциях». Реализация этих установок во многом зависит от подготовки преподавателя, так как среди обилия материала он должен «выбрать хороших и действенных руководителей», т. е. авторов учебных пособий. Итак, в гимназиях, как и в училищах, остро встает проблема профессионализма преподавателей. По мнению министра, необходимо улучшить отбор гимназических наставников и поощрять их научную деятельность, а для этого «поставлено им в обязанности представлять опыты их трудов». Однако это были частные меры, а динамичное развитие российской системы образования требовало от министерства радикальных мер по качественному улучшению состава педагогов для

учебных заведений, «начиная с низших до высших». При этом недостаточно было просто заполнить вакансии, а требовалось подготовить наставников, «способных и достойных сего звания». Сергей Семенович как опытный руководитель правильно считал, что «одним из самых действенных средств к повышению качественного состава преподавателей» является «улучшение и обеспечение» их материального положения. Поэтому прежде, «довольно ограниченное их содержание» заменено новым, освобождающим их «от забот о безбедном существовании». Это было достигнуто прежде всего за счет того, что наставники всех типов учебных заведений получили преимущества при производстве «в чины по гражданской службе». Большое значение в повышении качества подготовки преподавателей министр отводил Главному педагогическому институту. Это единственное учебное заведение, которое не только приобщало студентов к знаниям, но и имело цель готовить их через «практическое упражнение в преподавании». Несколько сотен выпускников Главного педагогического института, работающих в училищах, привносят в них знание «лучших методов преподавания», которое они получили в ходе учебы.

Окончательный курс всеобщей истории преподается в университетах, он разделяется на две части: древнюю и новую, причем изучение второй, как мы уже отмечали, сложнее. В древней истории следует обратить внимание «на отыскание причин» возвышения Древней Греции и Древнего Рима. История Средних веков долгое время характеризовалась как «период варварства и грубости», но эту просветительскую традицию, по мысли Уварова, следует преодолеть. Поэтому медиовистика должна показать, что в это время «происходит борьба и развитие», оно является «детством и юностью Европы». Великие географические открытия, книгопечатание, развитие промышленности оказали влияние на сегодняшнее состояние Европы. С XVIII в., а именно с деятельности Петра Великого, прослеживается активное взаимодействие Европы и России. Преподаватель должен «употребить старание, дабы дать слушателям здравое понятие о происшествии русской истории, и о связи ее с историей Европы». Причем можно «легко увериться», что и до Петра Великого «Россия имела тесные отношения с Европой». Вообще, еще задолго до нынешнего процесса глобализации Сергей Семенович отмечал, что «новое образование системы европейских государств дало новый вид всем отношениям народов», которые «сблизили между собою все государства Европы». Подобная унификация, по его мнению, постепенно искоренила «почти в каждом государстве народный дух», что сопровождалось потерей традиций и самобытной культуры, а это готовит «медленную пагубу всей Европы».

Следовательно, перед преподающим историю в российских университетах стоит задача «возбуждать и сохранять» в студентах, «сколько можно, народный дух». Тем самым он «в сем отношении делается прямо орудием правительства и исполнителем его высоких намерений». Итак, на всех ступенях образования учащийся должен воспитываться «великими примерами истории» и находить в них «новые побуждения более любить свое отечество, свою веру, своего государя; чтоб каждый из них посредством истории... научался предпочитать честь народную своей собственной жизни» [3, с. 271].

В реализации этих задач, связанных не только с историей, но и с образованием в целом, как мы уже отмечали, министр особую роль отводит преподаватель-

скому корпусу. И если он к наставникам училищ и гимназий предъявлял высокие требования, то еще более эта установка относилась к профессорам университетов. Сергей Семенович констатировал, что не все профессора соответствуют «основательным требованиям» высшего образования, так как они, с одной стороны, должны обладать «запасом твердых знаний», с другой — владеть «способностью передавать свои познания» [3, с. 296]. Поэтому была создана целая система, при которой университеты могли бы сами готовить своих будущих преподавателей. После получения ученых степеней эти преподаватели испытывают и доказывают в течение двух лет свои способности и после этого «в виде поощрения отправляются в такие заграничные места, где они с большей пользой могут изучать науки, избранные ими предметом своей деятельности и жизни» [3, с. 367]. Наконец, было внедрено новаторское «Положение об испытании на ученые степени», и практика его применения показала, что оно соответствует «настоящему требованию наук и ходу общественного образования». Министерство целенаправленно добивалось унификации структуры университетов, увеличения числа кафедр, с тем чтобы изучаемым курсам была «дана надлежащая обширность». Создание единого образовательного пространства в России дало возможность «студентам переходить из одного университета в другой для пользы своего образования». Министр предъявлял высокие требования не только к преподавателям, но и к студентам, так как они в университете «получают окончательный уровень образования». Естественно, что подобный уровень подготовки доступен «лишь труду долговременному и постоянному». В связи с этим из университетов удалили юношей, не достигших 16 лет, которые и в силу своего возраста, и в силу слабой подготовки, полученной в «предварительном обучении», не могли быть полноценными студентами. Более того, был определен «тот уровень познания», без которого «посещение университета было бы для молодого человека бесполезной тратой времени» [3, с. 358].

Система образования, и в частности ее университетский сегмент, не только должна была решать воспитательные и образовательные задачи, но ее развитие, по мнению С. С. Уварова, может способствовать и решению геополитических задач, стоящих перед Россией. В этом плане показательными являются его работы «Проект Азиатской академии» [3, с. 65–95]; «Речь в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года» [3, с. 252–274]. Задолго до появления евразийства Сергей Семенович отмечал, что Россия имеет по отношению к Азии интерес «очевидный и неоспоримый», так как она, «можно сказать, лежит на Азии». Однако пока из всех европейских стран изучению азиатских проблем «Россия меньше всего уделяет внимание». Для преодоления этого отставания и для защиты своих национальных интересов необходимо создать Азиатскую академию, «объединяющую в себе все, что относится к изучению Востока». Начать надо с овладения языками, так как «узнать язык народа — значит узнать весь ход его образования» и понять отличия одного народа от другого. Обширные планы Уварова по изучению Азии были осуществлены только частично, но все-таки ему удалось в Главном педагогическом институте открыть две кафедры по преподаванию восточных языков, возглавить их были приглашены известные французские ориенталисты Ж. Деманж и Ф. Шармуа. Кроме того, получил поддержку Лазаревский институт восточных языков, находящийся в Москве, было создано восточное от-

деление в Казанском университете. Причем в Казани обучение восточным языкам начиналось с гимназий. Получило также развитие восточное отделение Императорской академии наук, ставшее средоточием «трудов над изъяснением Востока». Эти меры действительно способствовали подготовке квалифицированных чиновников и дипломатов, работающих среди восточных народов.

Итак, если подвести итог и попытаться сформулировать основные положения уваровской образовательной программы, то они, на наш взгляд, таковы.

Во-первых, министр стремился реализовать принцип преемственности различных ступеней образования — уездное училище, гимназия, университет. При этом, конечно, право на высшее образование гарантировалось прежде всего дворянству, но и остальные сословия получали в той или иной мере доступ к различным уровням образования.

Во-вторых, просвещение должно решать двуединую задачу, а именно приобщать учащихся к современным научным знаниям, и они в этом плане не должны уступать своим сверстникам из Европы; в то же время воспитывать их необходимо в «народном духе», который, по мнению Уварова, в концентрированном виде проявляется в триаде «православие, самодержавие и народность». При этом данная формула не только содержит демонстрацию верноподданнических чувств, но и является проявлением национального самосознания и культурного своеобразия.

В-третьих, предъявляются высокие требования к преподавательской корпорации, так как ее члены обязаны владеть на достойном и современном уровне не только материалом предмета, но и методикой его преподавания. Поскольку образование — важнейший инструмент государственной политики, преподаватели должны проявлять лояльность по отношению к власти. Последней же необходимо обеспечить им достойное вознаграждение за их «нелегкий и необходимый труд».

В-четвертых, посредством образования предлагалось не только повышать культурный уровень населения, но и решать геополитические задачи, такие как укрепление российского влияния в западных губерниях и на азиатском направлении.

Таким образом, можно констатировать: Сергей Семенович Уваров был сложной личностью, отдельные черты его характера многих от него отталкивали, но как министр просвещения он сформулировал программу развития своего ведомства, которая была актуальна тогда и сегодня не утратила своего значения. Понимание образовательной деятельности как важнейшей государственной задачи, особое значение гуманитарного образования в воспитательном процессе, необходимость улучшения материального положения педагогов и другие задачи и сегодня решены не в полной мере. Объективное изучение идейного наследия С. С. Уварова, преодоление при его оценке идеологических штампов, безусловно, будет полезным для современного гуманитарного знания.

Литература

1. Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. М.: Захаров, 2003. 1357 с.
2. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. С. 215–563.
3. Уваров С. С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.
4. Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. Т. 26. 894 с.
5. Парсамов В. С., Удалов С. В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С. С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–54.

6. Чичерин Б. Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856). М.: Правда, 1990. С. 166–306.
7. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
8. Герцен А. И. Былое и думы. Л.: Художественная литература, 1946–1947. 888 с.
9. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Академия наук СССР, 1954. Т. 2. 516 с.
10. Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. М.: Наука, 1989. С. 5–41.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2018 г.;
рекомендована в печать 7 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Шапошников Лев Евгеньевич — д-р филос. наук, проф.; shaposhnikov_le@mininuniver.ru

Philosophical and pedagogical views of S. S. Uvarov

L. E. Shaposhnikov

Kozma Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University,
1, ul. Ulyanova, Nizhniy Novgorod, 603005, Russian Federation

For citation: Shaposhnikov L. E. Philosophical and pedagogical views of S. S. Uvarov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 2, pp. 320–335.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.208> (In Russian)

S. S. Uvarov was one key person in the Russian government from the 1830s to the 1850s, heading the Ministry of Public Education for sixteen years in succession. There is a rich body of literature evaluating his activity that is often negatively viewed, especially considering the opinion of Soviet-era scholars. Consequently, a more objective assessment of Uvarov’s policies, devoid of ideological clichés, is warranted. The theoretical basis of his activity was grounded in philosophical and political views, and an analysis reveals not only the minister’s level of intelligence, but also to what extent his ideas were realized. Historico-logical and comparative research methods reveal the place of Uvarov’s concepts on social thinking in Russia and his originality vis-à-vis foreign and domestic thinkers. Concerning philosophy, Uvarov aimed at uniting “metaphysics efforts and religion,” the alliance of which he was certain would provide an opportunity to correctly understand human nature and to create an adequate history of philosophy. The key formula of the latter for explaining the specificity of Russian history is his famous triad of orthodoxy, autocracy, and nationality. The primary goal of education, as the minister stressed, is to solve two tasks: to introduce students to modern and scientific knowledge, and to raise them in compliance with the “national spirit.”

Keywords: philosophy, history, orthodoxy, autocracy, nationality, Europe, Russia, regularity, revolution, teacher.

References

1. Vigel, F. F. (2003), *Zapiski* [Notes], in 2 vols. Zakharov Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
2. Shpet, G. G. (1991), “Ocherk razvitiia russkoi filosofii” [Essay on Russian philosophy development] in Vvedensky, A. I., Losev, A. F., Radlov, E. L. and Shpet, G. G., *Ocherki istorii russkoi filosofii* [Essay on history of Russian philosophy], Ural State University Publ., Sverdlovsk, Russia, pp. 215–563. (In Russian)
3. Uvarov, S. S. (2010), *Izbrannye trudy* [Selected works], ROSSPEN Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
4. Rosanov, V. V. (2008), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 30 vols., vol. 26, Respublika Publ., Moscow, Rostok Publ., St. Petersburg, Russia. (In Russian)
5. Parsamov, V. S. and Udalov, S. V. (2010), “Sergei Semenovich Uvarov” [Sergey Semenovich Uvarov] in Uvarov, S. S. *Izbrannye trudy* [Selected works], ROSSPEN Publ., Moscow, Russia, pp. 5–54. (In Russian)

6. Chicherin, B. N. (1990), "Vospominaniia" [Memoirs] in *Russkie memuary. Izbrannye stranitsy (1826–1856)* [Russian memoirs. Selected pages (1826–1856)], Pravda Publ., Moscow, Russia, pp. 166–306. (In Russian)
7. Solov'ev, V. S. (1991), *Filosofia iskusstva i literaturnaia kritika* [The philosophy of art and literary criticism], Iskusstvo Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
8. Herzen, A. I. (1946–1947), *Byloe i dumy* [My past and thoughts], Khudozhestvennaia literatura, Leningrad, USSR. (In Russian)
9. Herzen, A. I. (1954), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 30 vols., vol. 2, Akademiya nauk SSSR, Moscow, USSR. (In Russian)
10. Kazakov, N. I. (1989), "Ob odnoi ideologicheskoi formule nikolaevskoi epokhi" [About one ideological formula of Nikolay's epoch], *Kontekst* [Context], Nauka Publ., Moscow, USSR, pp. 5–41. (In Russian)

Received: October 14, 2018

Accepted: February 7, 2019

Author's information:

Lev E. Shaposhnikov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; shaposhnikov_le@mininuniver.ru